

Светланов Евгений
Федорович

17.09.03

Ихний вечер с музыкой Светланова

Концерт в БЗК

Шестого сентября Москва отмечала День города. В десять вечера над российской столицей вознесся праздничный фейерверк, поддержанный пушечными залпами. Салют в честь исторического града и его исторических граждан, будто повинная знаку незримой дирижерской руки, извлек на людные вечерние улицы гармоничную совестливую тишину завершавшегося к той минуте симфонического концерта из сочинений Евгения Светланова, устроенного в Большом зале консерватории в день 75-летия со дня рождения русского композитора и мировой славы дирижера. О том, каким ярким и редкостным пианистом был к тому же покойный Евгений Федорович, мы все знаем и помним. Выходило, что в честь Светланова палили в тот вечер пушки и пышно расцветало небо в ожидании спасительной для беспокойной души тишины ночи...

Редкий случился концерт: торжественный, без фальши и пошлости; искренний и строгий, без "дружеских" переборов в словах и слезах; профессионально выверенный, вдохновленный авторским незримым присутствием.

Исполнителями светлановской музыки выступили отнюдь не бывший Госоркестр СССР, обязанный Светланову-дирижеру несколькими десятилетиями широкой известности и особым положением в музыкальном мире, однако болезненно деградировавший морально в постсоветскую пору отечественной жизни (впрочем, сейчас увидеть этот, пусть обновившийся, коллектив в "именном" светлановском концерте было бы, право, противоестественно).

Исполнителями музыки русского композитора Евгения Светланова в памятный день его рождения выступил Академический симфонический оркестр, руководимый Павлом Коганом. Главный дирижер оркестра был среди многочисленной, заполнившей Большой зал публики, частью весьма именитой, но в массе "обычной", то есть очень хорошей, отзывчивой, сердечной и памятной концертной московской публики.

А за пультом стоял приехавший из Нидерландов русский дирижер Александр Вакульский, сотрудник и друг Евгения Федоровича Светланова, работавшего одно время и в Гааге, и к тому же, что очень для меня важно и символично, один из воспитанников Евгения Александровича Мравинского (Вакульский был у него ассистентом-стажером и многое, к счастью, воспринял).

Дух этического благоговения воссоединил музыкантов и публику. Звучала изначально красивая музыка, убеждающая самоценным мастерством профессиональной речи и удивляющей "документальностью" самого творческого акта — развертывающегося процесса художественного самовыражения.

И дирижер, и музыканты оркестра, и замечательный пианист Владимир Овчинников ("Концерт для фортепиано с оркестром") и певица Галина Бойко ("Три русские песни для голоса с оркестром"), и арфистка Татьяна Осколова ("Русские вариации для арфы и струнного оркестра") — все

ошутили в тот вечер миг служения безусловной художественной ценности — русскому человеку Искусства во всей его неподдельности, трогательности и беззащитности.

Музыка Светланова заставляет думать об Авторе. Заставляет явственно представить себе Автора в момент рождения этой музыки, ощутить само присутствие Автора. Это не всегда случается.

Уже в следующий момент мы можем ощутить и ту художественную природу, художественную стихию, что его вдохновляла, что им владела, вела.

Музыка Светланова вовсе не "эклектическая", как иногда говорят и пишут, но совершенно естественная, органическая музыка — органическая для данного художника. Это музыка "от себя", "для себя", "о себе" в природе общей жизни. Но, конечно же, без претензий на "мировое признание" и тем более "господство" в сочиняющей музыку профессиональной среде и созвучной этой разнохарактерной и противоречивой среде весьма многочисленной публике.

Музыка Светланова естественна для его способа общения с жизнью и сущностного ощущения своего места в искусстве и человеческого предназначения. В музыке своей Светланов-художник самодостаточен и свободен.

Музыка Светланова — красивая и содержательная. Этот композитор умел и любил размышлять, пребывая в своем мире, умел и любил любоваться "окружающими мирами" — иными странами, иными добрыми людьми, и всегда непременно он пребывал в состоянии "изживания" внутреннего, воспламененного божественной искрой творческого дара, пространства художественного существования своей мятущейся души.

"Тремя китами" концертной программы стали развернутая философическая симфоническая поэма "Прелюды", Концерт для фортепиано (еще раз произнесу здесь имя Владимира Овчинникова, одного из немногих "настоящих" пианистов нынешней концертирующей плеяды) и "Испанская рапсодия" для большого симфонического оркестра — роскошная дань традиционной русской любви к родственной стране высоких страстей и глубинных поэтических состояний.

Бедный Евгений Федорович! С какою печалью поздравляем мы его с 75-летием мысленно, в надежде, что он видит и слышит нас. В жизни своей Светланов слышал многое и всякое разное, зная громы аплодисментов, обращенных к его оркестру, к нему и через него к искусству тех, кого он возвращал к жизни своими исполнениями. Что-то мы не успели сказать ему, что-то не сумели вовремя и точно определить и определиться. В чем-то не смогли убедить ни его, ни самих себя. Что-то мы еще надеемся произнести дельное вдогонку Светланову, слушая его бесчисленные записи и время от времени сердцем вслушиваясь в его собственные сочинения. Они того достойны. В них он сам.

Андрей ЗОЛОТОВ

Музыка — 2003 — 11-17 сн. — с. 13